

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

ДОРОГА НА АСТАПОВО

[п у т е в о й р о м а н]

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44
Б48

Художественное оформление переплета и макет
Виктория Лебедева

В оформлении переплета и макете использованы рисунки
Андрея Балдина

Березин, Владимир Сергеевич.

Б48 Дорога на Астапово : [путевой роман] / Владимир Березин. — Москва : Издательство «АСТ» : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 476, [2] с. — (Травелог).

ISBN 978-5-17-109456-0

Владимир Березин — прозаик, литературовед, журналист. Автор реалистической («Путь и шествие», «Свидетель») и фантастической прозы («Последний мамонт»), биографии Виктора Шкловского в «ЖЗЛ» и книги об истории автомобильной промышленности СССР («Поляков»).

В новом романе «Дорога на Астапово» Писатель, Архитектор, Красвед и Директор музея, чьи прототипы легко разгадать, отправляются в путешествие, как персонажи «Трое в лодке, не считая собаки». Только маршрут они выбирают знаковый — последний путь Льва Толстого из Ясной Поляны в Астапово. Повторяя его, герои рассуждают о русской культуре и истории, дивятся заброшенным дворцам и храмам, веселятся и печалятся.

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109456-0

© Березин В.С.
© Балдин А.Н., наследники
© ООО «Издательство АСТ»

АНДРЕЮ

Паломничество моё удалось прекрасно.
Я наберу из своей жизни годов пять,
которые дам за эти десять дней.

*Лев Толстой в письме к Ивану Тургеневу
от 26 июня 1881 года*

ПРЕДРЕЧЕНИЕ

9 ноября

МОСКВА — ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Лев Толстой и его последнее странствие. Архитектор,
Краевед и Директор Музея. Битва при Молоди —
забытая победа. Славянофилы и западники,
а также прозёванный гений Лесков

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь, и в дальний путь
Отправился пешком.

Даниил Хармс

В великой русской литературе всё очень продуманно. Более того, всякий писатель, если он, конечно, настоящий русский писатель, сначала сообщает что-нибудь, а потом уже исполняет это в своей жизни. Напишет Пушкин про дуэль — и пожалуйте бриться, вот его уже везут на Мойку с пулей в животе. Как начнет писать человек про самоубийство героя, так, натурально, скоро найдут писателя совсем неживым, а рядом записка: *страна не зарыдает обо мне, но обо мне товарищи заплачут.*

Толстой — великий русский писатель, и поэтому он честно сообщил, что уйдёт из дома. Причём он постоянно сообщал об этом — в разное время и разными способами.

К примеру, он заводил рассказ: слушай, читатель, историю про кавалергарда. Но все эти белые лосины, аксельбанты и ордена — только прелюдия к тому, чтобы перешагнуть порог.

И так ловко начинал, так продолжал, что ты понимал, что иного выбора, кроме как выйти из дома, нет.

А через некоторое время ты ловил себя на том, что сам стоишь на пыльной дороге и давно следишь за тем, как по ней идёт человек с бородой. И идёт он с двумя старушками и солдатом, одетый так же, как и они, в неброское и пыльное. Не можешь оторваться, пока не дочитаешь этой последней сцены, где едут на шарабанах барыня с каким-то путешественником-французом и всматриваются в *les pèlerins*, то есть странников, которые, по свойственному русскому народу суеверию, вместо того чтобы работать, ходят из места в место.

— *Demandez leur*, — говорит француз, — *s'ils sont bien surs de ce que leur pèlerinage est agréable à Dieu* *.

Старушки, которым переводят вопрос, отвечают:

— Как Бог примет. Ногами-то были, сердцем будем ли?

Спрашивают солдата, и он говорит, что один, деться некуда.

Спросили и старика, но уже о другом: дескать, кто он?

— Раб Божий.

— *Qu'est ce qu'il dit? Il ne répond pas***.

— *Il dit qu'il est un serviteur de Dieu****.

— *Cela doit être un fils de prêtre. Il a de la race. Avez-vous de la petite monnaie?*****

* Спросите у них, твердо ли они уверены, что их паломничество угодно Богу. (*фр.*)

** Что он сказал? Он не отвечает. (*фр.*)

*** Он сказал, что он слуга Божий. (*фр.*)

**** Должно быть, это сын священника. Чувствуется порода. Есть у вас мелочь? (*фр.*)

Итак, старика принимают за сына священника и замечают, что чувствуется порода. После чего всем раздадут по двадцать копеек.

— Mais dites leur que ce n'est pas pour des cierges que je leur donne, mais pour qu'ils se régalent de thé; чай, чай, — roug vous, mon vieux*, — говорит француз и треплет рукой в перчатке старика по плечу.

— Спаси Христос, — отвечает тот, о свечах во все не думая.

Шапки на нём нет, и он лыс.

Как настоящий даос, старик чувствует равнодушные к этой ситуации. Через девять месяцев его поймут и сошлют в Сибирь как беспаспортного. Там он будет работать у хозяина в огороде и ходить за больными.

Но это всё в идеале. Это такая мечта, как надо уйти, записанная за двадцать лет до попытки.

Есть у Толстого и другая история по этому поводу — пьеса «И свет во тьме светит». Это, собственно, рассказ про то, как неловко и болезненно желание жить не по лжи. Как сопротивляются ему люди, и как мало оно приносит счастья. Главным героем в этой пьесе был сам Толстой, впрочем, под именем Николая Ивановича. Николай Иванович собирается бежать из дома вместе со своим бывшим слугой Александром Петровичем.

Этот Александр Петрович уже бормочет: «Будьте спокойны, пройдем до Кавказа без гроша. А там уж вы устраивайте». Герой отвечает ему: «До Тулы

* Скажите им, что я даю им не на свечи, а чтобы они полакомились чаем... вам, дедушка. (*фр.*)

доедем, а там пойдем. Ну, всё готово». Но ничего оказывается не готово, беглеца останавливают, и он возвращается в привычный ад, где лодка убеждений бьётся о каменный берег быта.

— *Renvoyez au moins cet homme. Je ne veux pas qu'il soit témoin de cette conversation**, — говорит его жена, и понятливый Александр Петрович отвечает: «Компрене. Тужер муа парте»¹.

В общем, это какое-то проговаривание давнего плана, а не сцена.

Мало того, что знаменитый человек собирается убежать из дома, так ещё рассказывает об этом городу и миру предварительно. Рассказывает, замечу, с помощью типографии и театрального искусства.

Но русская дорога и есть такая вещь, что обычным правилам не подчиняется, и люди, отправившиеся по ней в путь, часто прощаются с прежним строем мыслей.

Всё началось с того, что мне позвонил Архитектор. Жизнь моя была негуста, и я был рад каждому звонку, а тут — целый Архитектор. Он был не просто Архитектор, а надзирающий за устойчивостью.

Его занимало взаимное расположение маленьких предметов и движение словесных материков. Он делал открытие за открытием и создавал особое, не географическое, а географическо-поэтическое, пространство вокруг себя.

* Вышлите, по крайней мере, этого человека. Я не хочу, чтобы он был свидетелем этого разговора. (*фр.*)

Он был, конечно, настоящий архитектор, но, как всегда в России, оказался чем-то бóльшим. Он придумал, как связать такие непрочные понятия, как слово, уносимое ветром, и быстро меняющуюся географическую карту. Он придал всему этому остойчивость, как кораблю, и пустился в путешествие.

А однажды Архитектор придумал, что весь строй романа «Война и мир» именно таков, каков есть, только потому, что этот роман пишет не Толстой, а его герой Пьер Безухов, поминутно расправляясь с собственными комплексами, обидами, что нанесли ему другие персонажи, плохо скрывая ревность к прошлому своей жены.

При этом он вёл путевой журнал, огромное повествование с иллюстрациями, откуда можно было выдрать страницу и, засунув в бутылку, кинуть в море.

Это оказалось невиданной продуктивности путешествия длиной в жизнь, потому что странник подмечал все детали. Он заглядывал в окна к знаменитым писателям, смотрел, как ложится их почерк на белый лист. Он смотрел на пейзаж глазами Карамзина, Толстого и Чехова и позволял читателю тоже поглядеть в дорожное окно кибитки или поезда.

А литература наша, будто земная кора, подвижна и текуча, она сама скользит по глубинному океану, а к тому же по ней можно плыть, по берегам её передвигаться — разными способами, с разной степенью риска.

Специалист по устойчивости был ещё и великим иллюстратором — не только других, но и себя самого, удивительным образом возвращаясь к тому времени, когда путевой отчёт пестрел рисунками.